

(Monographs)

Bachmann-Medick D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbek bei Hamburg, 2006. (In German).

Сведения об авторе:

Бакши Наталия Александровна – доктор филологических наук, лицензиат теологии, профессор кафедры германской филологии Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, директор Российско-Швейцарского учебно-научного центра, член президиума Российского союза германистов. – Область научных интересов: немецкоязычная литература XIX–XXI вв., религиозная тематика в литературе, культурный трансфер, русско-немецкие связи.

E-mail: nataliabakshi@mail.ru

Bakshi Natalia A., Doctor of Philology, licentiate of Theology, professor at the department of German philology, the Institute of Philology and History, RSUH, director of the Russian-Swiss centre, member of presidium of Russian association of germanists. Research area: german literature of XIX–XXI century, religious themes in literature, cultural transfer, cultural relations between Russia and Germany.

E-mail: nataliabakshi@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ШВЕЙЦАРСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Е.Н. Шевченко

Казанский федеральный университет, Казань

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит, с одной стороны, в выявлении характерных особенностей поэтики «швейцарского» в современной драматургии Швейцарии, с другой – в раскрытии общеевропейских тенденций в новейшей швейцарской драме. С этой целью были проанализированы пьесы швейцарских авторов: Лукаса Бэрфуса, Мирьям Найдхарт, Хендля Клауса, Лео Туора, Габриэля Феттера, Ферруччо Кайнеро, Дени Майефера и др. Результаты исследования позволили сделать следующие выводы. В ряде текстов воссоздается специфический «швейцарский мир», тот набор ценностей, символов, мифов и традиций, которые составляют отличительное культурное наследие Швейцарии. Однако они представлены не в идиллическом, а скорее в ностальгическом ключе – как воспоминание об утраченном рае – или в ироническом, пародийном модусе. В другой группе текстов авторы поднимают проблемы, ставшие общими для всего западного мира: миграция и ксенофобия, компьютерная зависимость, допустимость эвтаназии, кризис воспроизводства и др. Таким образом, современная драматургия наглядно отражает главную особенность швейцарской действительности – конфликт между герметизмом и открытостью – на фоне процессов глобализации и антиглобализма.

Ключевые слова: швейцарская драматургия, национальная идентичность, национальная концептосфера, национальный миф, герметичность.

CONTEMPORARY SWISS DRAMA: NATIONAL AND EUROPEAN CONTEXT

Abstract. The purpose of this article is, on the one hand, to identify the characteristic features of the poetics of “Swiss” in the modern drama of Switzerland, on the other – in the exposure of European trends in the latest Swiss drama. With this purpose the plays by Swiss authors – Lucas Bärfuss, Miriam Neidhart, Handl Klaus, Leo Tuor, Gabriel Vetter, Ferruccio Cainero, Denis Maillefer were analyzed. The results of this analysis allowed to draw the following conclusions. A number of texts recreate the specific “Swiss world”, the set of values, symbols, myths and traditions that make up a distinctive cultural heritage of Switzerland. However, it is represented not idyllically, but rather in a nostalgic way – like a memory about Paradise Lost or in an ironic, parodic mode. In another group of texts the

authors raise the problems, which have become common throughout the Western world: migration and xenophobia, computer dependency, ethical and the psychological side of euthanasia, the crisis of reproduction, etc. Thus, modern drama clearly reflects the main feature of Swiss reality—the conflict between hermeticism and openness – against the background of globalization and anti-globalization.

Key words: *Swiss drama, national identity, national conceptsphere, national myth, tightness.*

Вторая половина XX и начало XXI в. ознаменованы все большим распространением процесса глобализации. Однако наряду с повышением экономической и культурной однородности мира, утратой самобытности и уникальности национальных традиций набирает силу движение антиглобализма, возрастает значение категории национальной идентичности, растет интерес к проблеме национальных культурных кодов и мифов, специфики национального характера и менталитета и т.д. Эти процессы охватывают и сферу художественного сознания, появляются многообразные формы репрезентации национального в художественной литературе. Феномен Швейцарии в этом плане представляет особый интерес. С одной стороны, страна, соединившая в себе четыре культурно-языковых традиции – немецкую, французскую, итальянскую и ретороманскую – являет собой удачный пример мультикультурализма. С другой стороны, она всегда занимала особое положение среди других европейских государств, тщательно оберегая свою независимость и самобытность.

У Швейцарии свой особый исторический и политический путь, свой статус в европейском мире, свой специфический национальный менталитет. Основными компонентами швейцарской национальной концептосферы являются «нейтралитет», «граница», «обособленность», «суверенность», «узость». Это находит своё отражение в литературе. В XX веке, вплоть до 1920-х годов, литература Швейцарии была явлением достаточно герметичным, замкнутым на специфических реалиях своей страны. Литературная традиция Швейцарии расходилась с общеевропейским литературным процессом. В то время как в Европе шел активный поиск новых способов соотнесения с реальностью, возникали такие направления, как натурализм, символизм, импрессионизм, неоромантизм, югендстиль, экспрессионизм, в Швейцарии создавались преимущественно реалистические произведения. После 1920-х годов литература Швейцарии стремится влиться в русло общеевропейской литературы. Писатели понимали, что консерватизм обуславливает низкую популярность их творчества в Европе. Однако, осваивая новые художественные стили, швейцарские писатели сохраняют свой особый подход. На новые культурные веяния 1930–40-х

годов в Германии и Италии, связанные с идеологией национал-социализма и фашизма, Швейцария отвечает так называемой политикой «духовной обороны» (нем. *Geistige Landesverteidigung*). «Духовная оборона» просуществовала примерно до 1960-х годов, отражая сначала национал-социалистское, а затем коммунистическое влияние в сфере идеологии и культуры.

Внутри швейцарской литературы на протяжении XX и теперь уже XXI века существует два лагеря:

– часть художников настаивает на особом швейцарском пути, воплощая в своем творчестве перечисленные выше национальные концепты. Они воспроизводят в своих произведениях реалии «швейцарского мира», идеализируют его ценности, воспевают красоты природы, традиции, уклад жизни;

– другая часть, напротив, стремится взорвать границы, отделяющие уютную благополучную Швейцарию от большого мира, преодолеть узость и ограниченность и сделать швейцарскую литературу полноценной частью европейского и мирового литературного процесса. Нужно сказать, что самые серьезные художественные достижения были связаны именно с этой второй тенденцией. Так, Фридрих Дюрренматт и Макс Фриш, одни из самых значительных немецкоязычных писателей второй половины XX века, подняли швейцарскую литературу на мировой уровень. Их творчество выходит далеко за рамки национального сознания и направлено на осмысление глобальных вопросов человеческого бытия и истории XX века.

Водораздел внутри швейцарской литературы проходит и по языковому принципу. Известно, что литература Швейцарии делится согласно четырем государственным языкам на немецкую, французскую, итальянскую и ретороманскую. При этом многие писатели, пишущие на этих языках, входят в Союз авторов Швейцарии, ставящий перед собой цель объединить всех литераторов в национальном масштабе.

Глобализация не могла не затронуть и это «нейтральное» государство. Целый ряд острых политических, социальных, культурных вопросов становится общей проблемой западного мира. При этом Швейцарии и в этих условиях удается сохранить свою «особость». Таким образом, мы наблюдаем в культурной жизни страны действие как центростремительных, так и центробежных сил. Эта диспозиция находит отражение и в швейцарской литературе, в том числе в драматургии. В последнее время именно драматургия выдвинулась на передовые рубежи литературного процесса, именно она особенно остро реагирует на вызовы сегодняшнего дня.

Пьесы современных швейцарских драматургов очень разнообразны как по содержанию, так и по своей художественной форме. Большой корпус текстов

связан с вопросами, не являющимися сугубо швейцарскими. Речь в них идет об общеевропейских, а порой общемировых социально-экономических и духовных проблемах. Так, документальная пьеса Мирьям Найдхарт «Неофобия» посвящена кризису рождаемости в сегодняшней Европе; в центре драмы Лукаса Бэрфуса «Автобус» – вопрос кризиса веры в условиях современной западной цивилизации; в другой своей пьесе – «Путешествие Алисы в Швейцарию» – Бэрфус рассуждает о проблеме эвтаназии; в центре внимания драматургов оказываются вопросы женского равноправия, дискриминации по половому признаку (пьесы «Как ножи» Марьель Пенсар, «Брызги росы» Кристины Кастрилло, «Фрау Шмиц» Лукаса Бэрфуса), угроза всемирного экономического кризиса («Конец денег» Урса Видмера), иммиграция и ксенофобия («Америка» Герхарда Майстера, «Пустырь» Дмитрия Гавриша), проблемы подростков, страдающих от компьютерной зависимости («Йоко-ни» Эжена) или ожирения («Горькая судьба Карла Клотца» Лукаса Линдера), футбольные перипетии («Бей-беги» Андри Байелера) и пр. Соответственно варьируется и художественная форма – от классического формата до вербатима, от детектива до имитации виртуальной реальности и пр.

Но не менее репрезентативна другая группа текстов, в которых находят отражение специфические швейцарские темы и проблемы: альпийская идиллия («Я мечтаю об Альпах; Льды питают озера» Хендля Клауса, «Джакумберт Нау» Лео Туора, «Год лавины» Ферруччо Кайнеро), образ швейцарца («in love with fedeger» Дени Майефера), миф о Швейцарии как земном рае («Парк» Габриэля Феттера) и др.

Рассмотрим несколько наиболее характерных пьес, дающих представление об обеих тенденциях в новейшей драматургии Швейцарии. В драме Лукаса Бэрфуса «Путешествие Алисы в Швейцарию» (Alices Reise in die Schweiz, 2005) швейцарская тема заявлена уже в самом названии. В центре находится проблема эвтаназии и комплекс связанных с ней морально-нравственных и психологических вопросов. Как известно, Швейцария является единственной европейской страной, в которой эвтаназия легализована. Это связано с тем, что по сравнению с другими европейскими странами у Швейцарии очень либеральное законодательство, которое, в частности, допускает возможность так называемого ассистированного суицида.

В пьесе Л. Бэрфуса изложена история неизлечимо больной немецкой девушки Алисы, которая, устав от мучений и не видя смысла в дальнейшем существовании, совершает «путешествие» в Швейцарию, чтобы с помощью доктора Штрома уйти из жизни. Хотя пьеса называется «Путешествие Алисы в Швейцарию» и её основная сюжетная линия связана с судьбой Алисы,

центральной фигурой является сам Густав Штром, оказывающий больным и несчастным последнюю услугу. В пьесе он изображен идеалистом, Дон Кихотом от медицины, Чёрным рыцарем, защищающим достоинство чело- века и его право на добровольный уход. Пьеса Бэрфуса статична. Это своего рода пьеса-дискуссия, драма идей, представляющая различные точки зрения на эвтаназию. Отсюда обширные эпические фрагменты и сведенное к минимуму драматургическое действие. Целый ряд важных событий – исключение Густава Штрома из врачебной палаты, его арест и пребывание в камере предварительного заключения, намерение матери Алисы после смерти дочери уйти из жизни, её приезд и кончина и др. – не разворачиваются на глазах у зрителя, а доводятся до него через рассказы действующих лиц. Эпическим элементом являются и названия сцен, передающие их содержание и маркирующие основные этапы развития сюжета: «Густав Штром, специалист по эвтаназии, консультирует Алису Галло», «Алиса Галло пытается поговорить о своих планах с Логтой, своей матерью», «Ева, молодая женщина, предлагает Густаву свою помощь», «Вальтер, домовладелец, делает Густаву Штрому предложение» и т.д.

Свои соображения доктор Штром озвучивает в пространных монологах, интервью и в беседах со своими клиентами. Штром бескорыстно и самоотверженно посвятил себя делу, которое представляется ему гуманным и благородным. В нём он видит смысл своей жизни и приносит ему немалые жертвы: от него ушла жена; общественность и СМИ объявили ему войну, дав страшное прозвище Доктор Смерть; после каждого сеанса эвтаназии он вынужден проводить сутки в полицейском участке, пока идет расследование; его исключают из врачебной палаты; наконец, ради своего призвания он подавляет в себе зарождающееся чувство к Алисе. Хотя эвтаназия в стране официально разрешена, общественное сознание швейцарцев не готово смириться с «ассистированным суицидом», видя в нём «узаконенное убийство». Оппонентами Штрома выступают государство, общественность, коллегиврачи и простые обыватели. Это собирательные, внесценические персонажи, чьё мнение транслируется в форме выдержек из газетных статей, цитат, рассказов Евы и Вальтера. Мы наблюдаем разлад между официальной лояльной политикой властей и массовым сознанием. Таким образом, в пьесе представлены аргументы за и против эвтаназии, но автор не предлагает однозначного решения, перенося конфликт в сознание читателя/зрителя. При этом, хотя Швейцария занимает в вопросе эвтаназии особую позицию, эта проблема не является исключительно швейцарской, а принадлежит к кругу самых болезненных проблем биоэтического характера, волнующих всё мировое сообщество.

Следующий швейцарский драматург и режиссёр, Мирьям Найдхарт, специализируется на документальном театре. Найдхарт является автором целого ряда художественно-документальных проектов, связанных с серьёзными общеевропейскими и сугубо швейцарскими проблемами: «Зона 40» (Zone 40, 2006) – о миграции и материнстве; «НЕЛЕГАЛЫ. Записки из подполья» (ILLEGAL, Berichte aus dem Untergrund, 2007–2008); «Мегги возвращается в Конго» (Meggy geht zurück in den Kongo, 2009) – о судьбе девушки из Демократической Республики Конго, попросившей в Швейцарии политического убежища; «Быть или не быть гуманоидом» (To be, or not to be humanoid, 2013) – совместный проект с Институтом искусственного интеллекта Университета г. Цюриха, посвящённый проблемам сознания и интеллекта, и др.

Обратимся к пьесе Мирьям Найдхарт «Неофобия» (Torschusspanik). Пьеса, имеющая подзаголовок «Интимные проникновения в кризис воспроизводства» (Intime Einsichten in die Reproduktionskrise, 2007), посвящена кризису рождаемости в современной Европе. Она написана на основе интервью, взятых автором у нескольких десятков респондентов в Германии и Швейцарии (немцев, швейцарцев, итальянцев, венгров), и представляет собой яркий образец вербатим-драматургии – разновидности документальной драмы, в которой дословно воспроизводится речь информантов.

Действия в пьесе М. Найдхарт как такового нет, а есть многочисленные высказывания на заявленную тему, особым образом сгруппированные. Действующих лиц двадцать. Они представляют широкий спектр взглядов на проблему рождаемости сегодня. Это и те, кто в принципе не хочет иметь детей, могущих помешать их карьере и привычному образу жизни, и те, кто мечтает об этом, но не может завести ребёнка в силу каких-либо обстоятельств, и пр. Хотя за персонажами Найдхарт стоят реальные прототипы, они не индивидуализированы, это в полной мере типажи, носители распространённых в Европе точек зрения на проблему воспроизводства. При этом отчетливо выявляется тенденция: чем выше уровень жизни, тем меньше желание заводить детей. Швейцария – самая богатая и благополучная страна Европы, и демографическая ситуация там особенно сложная. Обратной стороной высокого уровня жизни является индивидуализм, эгоцентризм, нежелание пожертвовать своим комфортом даже ради продолжения рода. Таким образом, «швейцарскость» в этой пьесе проявляется лишь в степени актуальности для страны поднятой здесь проблемы.

А теперь обратимся к текстам, в которых присутствует сугубо швейцарская тематика. Так, действие пьес «Я мечтаю об Альпах; Льды питают

озера» (Ich ersehne die Alpen; So entstehen die Seen, 2001) Хендля Клауса и «Джакумберт Нау» (Giacumbert Nau, 1994) Лео Туора разыгрывается на альпийских высотах, то есть на фоне классического швейцарского ландшафта. На первый взгляд, они вписываются в линию культивирования швейцарской идиллии. Но на поверку здесь в большей степени возникает образ потерянного рая. Пьеса «Я мечтаю об Альпах; Льды питают озера» состоит из двух монологов, женского и мужского. Оливия лежит в душной квартире под раскаленной крышей, по-видимому, в предсмертной лихорадке, и мечтает об Альпах, об их «просторном холоде», о «величественных вольных вершинах», об их «мягких волнообразных очертаниях» [Клаус 2013, 217]. Однако из монолога становится ясно, что видела она Альпы только на фотографиях и знает о них по рассказам друзей. То есть речь идет о некоем растрепанном образе. К тому же она стремится в Альпы не для того, чтобы жить, а с целью красиво умереть, сорвавшись в пропасть. Второй монолог принадлежит горному лесничему Бруно. По роду деятельности он постоянно пребывает в Альпах, о которых мечтает Оливия. Но он не чувствует себя счастливым. Бруно регулярно наталкивается на смерть в виде замерзших в глетчерах альпинистов. Чтобы похоронить погибших, он карабкается с тяжелой ношей по горам, оплакивая несчастных.

Трагичен и финал другой «альпийской» пьесы – драмы Лео Туора «Джакумберт Нау». Пастух Джакумберт, всю жизнь водивший стада по горам, жизнь которого слита с природой, умирает, не исполнив своего долга, – не развернув стадо, уходящее на глетчер: «Джакумберт помирает медленно, провожая гаснущим взором своих овец, и они, напирая друг на друга, уходят вверх по ложному пути» [Туор 2013, 434]. Эта горькая финальная нота звучит скорее как реквием по утраченной гармонии, по уходящему в небытие миру.

Главный конфликт швейцарской действительности – между герметизмом и открытостью – отражен в пьесе «Год лавины» Ферруччо Кайнеро, представляющей инсценировку романа Джованни Орелли. На фоне грозящей катастрофы, надвигающихся на альпийскую деревню лавин, раскрывается замкнутый архаичный мир горных жителей, держащихся за традиционный уклад.

Пьеса Дени Майефера «in love with federer» – исповедь фаната великого швейцарского теннисиста Роджера Федерера. Здесь создан образ не столько выдающегося спортсмена, сколько обычного швейцарца, обожающего своего кумира:

Согласно швейцарской статистике, я умру через пятьдесят два года.

Я живу в обычной квартире.

У меня вполне обычная зарплата.

Я ношу обычные брюки.

Ношу обычные футболки, со швейцарским трафаретом, сшитые в Камбодже.

Почти обычно езжу в отпуск.

Обычно отношусь к экологии.

Обычно отношусь к потреблению.

У меня обычная вторая семья.

В целом у меня на 0,57 ребенка больше, чем у среднего швейцарца, вполне обычный процент.

У меня три велосипеда, из них один складной, это чуть больше обычного.

Я питаю страсть к супергероям.

Я обычный человек.

Один ли я?

– Ты один, Дени?

– Я не знаю.

[Майефер 2017, 311]

Е. Ковальская, автор предисловия ко второму тому «Антологии современной швейцарской драматургии», видит суть этой пьесы в том, что современное атомизированное общество как лекарство от одиночества и сиротства ищет идею, которая могла бы всех объединить, кумира, вокруг которого можно сплотиться [Ковальская 2017, 8].

Настоящим прорывом швейцарской темы стала пьеса Габриэля Феттера «Парк» (Der Park, 2017). В основе её лежит развенчание мифа о Швейцарии как земном рае. Идеальное утопическое государство Гельвеция представлено здесь в виде туристического аттракциона для богатых иностранцев.

Парк в пьесе Габриэля Феттера – зеркало швейцарской национальной идентичности, но зеркало кривое, представляющее швейцарскую идиллию в ироническом модусе. Здесь, по словам хозяина, удовлетворяется тоска гостей по «самобытному» и «нерушимому» [Феттер 2017, 407], здесь представлен весь «швейцарский реквизит»: фахверковые дома, собачки, Груйер, фольклорные песни, ритуалы, экономные швейцарские овощечистки, сырный фонтан, западно-швейцарская горная хижина винодела, уменьшительно-ласкательные суффиксы, кружки по интересам, сооружение в форме гигантского батона сервелата, звукотерапия природной первозданности, мемориал детям-приемышам. Гости могут поучаствовать в аттракционе «Клятвенная церемония на Рютли», в битве при Земпахе, цюрихских беспорядках, поиграть в хорнуссен, совершить тур в мир бункеров гражданской обороны и пр. Однако в Парке есть пенсионерка-пикетчица, протестующая против этой фальшивой идиллии. Она говорит о себе и швейцарцах так:

Миа: Ну что с нами может случиться: родились под этой рекламой, прямо в этот прекрасный мир <...> короче, родились в шлеме. У меня есть разрешение на то, чтобы у меня все было хорошо <...> Со мной ничего не произойдет. Я одна из невредимых, и я больше не могу этого терпеть, это так ужасно унижительно, так оскорбительно, то, как мы всегда легко отделяемся, на нас уже давно показывают пальцем...

Эгге: Госпожа Миа, никогда не понимал вашей жажды драмы.

Миа: Я жажду жизни.

Эгге: Уже не первый десяток лет вы бунтуете против безупречных для вас условий. Да примите вы уже то, что у вас все хорошо. Смирненно покоритесь...» [Феттер 2017, 405-406].

Впрочем, в конце выясняется, что и протест Мии – часть игры, штатно предусмотренный бунт.

Финал пьесы носит абсурдистско-гротескный характер. Бобёр строит плотину, и утопическая Гельвеция гибнет под водой. Но и это событие устроители превращают в аттракцион:

Ниппес: Но наше исчезновение – не какое-то там мученичество, это финальный шаг в абсолютный нейтралитет в надежнейший и идеальный последний наш редут <...> Что может быть аутентичнее, что может быть гелветичнее природы, берущей свое, что может быть правдивее бесповоротной катастрофы, конца, героической смерти целого народа? <...> Мы отступим в самый укрепленный редут из всех редутов и так законсервируемся навечно: мы уйдем в миф» [Феттер 2017, 456-457].

В эпилоге бобер рассуждает о том, что свет Швейцарии не померкнет. Здесь построят крохотную ГЭС, и энергии хватит на огонек режима ожидания на зубной щетке или подсветку значка на туалетной комнате инвалидов где-нибудь в Дели [Феттер 2017, 458].

Репрезентативный набор пьес современных швейцарских авторов, рассмотренных нами в настоящей статье, позволяет сделать следующие выводы. Швейцарские драматурги не уходят от традиционных для литературы Швейцарии тем. Ряд текстов содержит такие типично швейцарские реалии, как живописные вершины Альп, идиллические пейзажи, глетчеры и другие природные красоты, высокий уровень жизни, покой и благополучие, лояльное законодательство. Но характер их изображения меняется. Швейцарская идиллия либо приобретает откровенно пародийный характер (Габриэль Феттер «Парк»), либо обретает черты потерянного рая (Хендль

Клаус «Я мечтаю об Альпах; Льды питают озера», Лео Туор «Джакумберт Нау», Ферруччо Кайнеро «Год лавины»).

Но одновременно происходит «размыкание» вовне, когда в целом ряде пьес речь идет в большей степени об общеевропейских проблемах (Лукас Бэрфус «Путешествие Алисы в Швейцарию», Мирьям Найдхарт «Неофобия» и др.). Это подводит к выводу о том, что современные драматурги Швейцарии отражают в своем творчестве «швейцарский мир», но сам этот мир, при всей своей герметичности и самобытности, во многом становится частью единого западного мира.

Литература

- Бэрфус Л. Путешествие Алисы в Швейцарию // ШАГ 4. Новая немецкоязычная драматургия. М., 2011. С. 49–87.
- Кайнеро Ф. Год лавины // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 267–304.
- Клаус Х. Я мечтаю об Альпах; Льды питают озера // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 1. М., 2013. С. 213–228.
- Ковальская Е. Предисловие // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 5–9.
- Майефер Д. in love with federer // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 305–348.
- Найдхарт М. Неофобия // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 1. М., 2013. С. 325–368.
- Туор Л. Джакумберт Нау // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 1. М., 2013. С. 417–434.
- Феттер Г. Парк // Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. С. 401–458.

References

- Bärfuss L. Puteshestviye Alisy v Shveytsariyu [Alisa's Trip to Switzerland] // SHAG 4. Novaya nemetskoyazychnaya dramaturgiya. Moscow, 2011. Pp. 49–87. (In Russian).
- Cainero F. God laviny [Year of the avalanche] // Antologiya sovremennoy shveytsarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 267–304. (In Russian).
- Klaus H. Ya mechtayu ob Alpakh; l'dy pitayut ozyora [I dream of the Alps; the Ice is fed by the lake] // Antologiya sovremennoy shveytsarskoy dramaturgii. T. 1. Moscow, 2013. С. 213–228. (In Russian).

- Koval'skaya E. Predisloviye [Foreword] // Antologiya sovremennoy shveytsarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 5–9. (In Russian).
- Maillefer D. in love with federer // Antologiya sovremennoy shveytsarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 305–348. (In Russian).
- Neidhart M. Neofobiya [Neophobia] // Antologiya sovremennoy shveytsarskoy dramaturgii. T. 1. Moscow, 2013. Pp. 325–368. (In Russian).
- Tuor L. Dzhakumbert Nau [Giacumbert Nau] // Antologiya sovremennoy shveytsarskoy dramaturgii. T. 1. Moscow, 2013. Pp. 417–434. (In Russian).
- Vetter G. Park [The Park] // Antologiya sovremennoy shveytsarskoy dramaturgii. T. 2. Moscow, 2017. Pp. 401–458. (In Russian).

Сведения об авторе:

Шевченко Елена Николаевна, Казанский федеральный университет; кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы.
E-mail: elenachev@mail.ru

Shevchenko Elena N., Kazan Federal University; Dr. of Philology, Associate Professor in the Department of Russian and World Literature.
E-mail: elenachev@mail.ru